

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
THEORY OF LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-497-503

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Русские формалисты и русская литература

Е.П. Бережная

*Государственная публичная научно-техническая библиотека,
Сибирское отделение Российской академии наук,
Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Восход, д. 15*
 bereg.63@mail.ru

Аннотация. Русская литература современного дня потеряла свою державность и уже не претендует на выстраивание собственных законов развития в историческом движении. Прогнозируемая формалистами «диктатура искусства», рассчитанная на тотальную текстуальность русской культуры, оказалась лозунгом преимущественно оптимистическим, утратившим свою стимулирующую функцию в контексте живой литературной действительности. Исследование посвящено проблеме взаимодействия русской литературы и формализма. Русская литература в работах формалистов рассматривалась как автономно существующая системно-организованная структура, моделирующая «другую» не зависимую от социальных и политических условий реальность. Движение литературы в функциональной перспективе определяло деятельность и задачи так называемой формальной школы в лице ее главных представителей – Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума и Юрия Тынянова.

Ключевые слова: русский формализм, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, Автобиография, литературный быт, литературный факт, деланье вещи

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 февраля 2022 г.; откорректирована 15 мая 2022 г.; принята к публикации 1 июля 2022 г.

Для цитирования: *Бережная Е.П.* Русские формалисты и русская литература // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 497–503. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-497-503>

© Бережная Е.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian formalists and Russian literature

Yekaterina P. Berezhnaya

*State Public Scientific-Technological Library,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St, Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

 bereg.63@mail.ru

Abstract. Russian literature of the present day has lost its statehood and no longer pretends to build its own laws of development in the historical movement. The “dictatorship of art” predicted by the formalists, intended for the total textuality of Russian culture, turned out to be a predominantly optimistic slogan that has lost its stimulating function in the context of living literary reality. The research is devoted to the problem of interaction of Russian literature and formalism. Russian literature in the works of Russian formalists was considered as an autonomously existing system structure that simulates a “different” reality, independent of social and political conditions. The movement of literature in a functional perspective determined the activities and tasks of the so-called “formal school” mainly represented by Viktor Shklovsky, Boris Eikhenbaum and Yury Tynyanov.

Keywords: Russian formalism, Yury Tynyanov, Boris Eikhenbaum, Viktor Shklovsky, Autobiography, literary life, literary fact, doing things

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 18, 2022; revised May 15, 2022; accepted July 1, 2022.

For citation: Berezhnaya, Ye.P. (2022). Russian formalists and Russian literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 497–503. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-497-503>

Русская литература современного дня потеряла свою державность и уже не претендует на выстраивание собственных законов развития в историческом движении. Прогнозируемая формалистами «диктатура искусства» (Шкловский), рассчитанная на тотальную текстуальность русской культуры, оказалась лозунгом преимущественно оптимистическим, утратившим свою стимулирующую функцию в контексте живой литературной действительности. Доминирование литературы и связанное с ним филологическое знание стали глубоко периферийными областями, уступив место «бытовым», лежащим за границами «узкой» спецификации, явлениям.

Во вновь открывшейся оппозиции «литература – быт» определяющим фактором для (само)идентификации представляется важность образовательных и культурных институций, принадлежность к которым является отличительной приметой современного культурного процесса. С опережающей точностью это почувствовал один из создателей концепции «литературного быта» Б.М. Эйхенбаум. В статье с одноименным названием, обращаясь к литературной современности, он констатировал: «Каждый писатель пишет как

будто за себя, а литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то „нелитературным“ признакам – по признакам, которые можно назвать литературно-бытовыми» (Эйхенбаум, 1987, с. 429–430).

Литературный (научный) текст перестал быть гарантом писательского (или исследовательского) успеха; в новое время он выступает как нечто вторичное по отношению к социуму и человеческим взаимодействиям внутри него. Эйхенбаум в процитированной статье «Литературный быт» отметил устойчивую тенденцию литературы маргинализироваться по отношению к бытовому материалу и писательским поведенческим установкам. Для него отход литературы на периферию – главное явление современной жизни: «Вместе с тем вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого „дела литературы“¹. Вопрос о том, „как писать“, сменился или, по крайней мере, осложнился другим – „как быть писателем“. <...> Проблема литературы как таковой заслонилась проблемой писателя» (Эйхенбаум, 1987, с. 430).

Эйхенбаумовское понимание литературы как социального института оказалось созвучно нашему времени, сократившему разрыв между искусством и действительностью. За границами спецификации произведениями искусства стали не-искусственные вещи, прежде имеющие с классическими образцами разные и несовместимые линии культурного развития. Неспособность работать «без большого захвата» вместе с неотъемлемым вкусом к эмпирической конкретике определили исследовательскую манеру Эйхенбаума в 1920–1950-е гг. и его значимое присутствие в социокультурном пространстве сегодня.

Организирующим звеном современного литературного процесса остается «особая фигура писателя», создающего в читательском восприятии и в восприятии любого другого реципиента неожиданные и эффектные формы соотношения его с внехудожественной реальностью, в то время как литературный и научный тексты могут быть осознаны лишь опосредованно. Ср. замечание Эйхенбаума по поводу писательского имиджа В. Шкловского: «Обсуждают не столько его идеи, стиль или теории, сколько что-то другое – его самого: его поведение, тон, намеки, манеру» (Эйхенбаум, 1987, с. 444). Произведения искусства реконструируют реалии жизни писателя, ставя под сомнение художественную условность; научные тексты говорят нам больше об исследователе, чем о предмете исследования. Ср. из ст. Ю.Н. Тынянова «Пушкин»: «Пушкин побывал уже в звании „романтика“, „реалиста“, „национального поэта“ (в смысле, придаваемом этому слову Аполлоном Григорьевым, и в другом, позднейшем), в эпоху символистов он был „символистом“» (Тынянов, 1969, с. 122). С попытки устранить автобиографичность книги, а на деле – представить книгу статей как научную автобиографию начинает Тынянов предисловие к «Архаистам и новаторам»:

«Книга эта <...> равна девяти прошедшим годам, и я смотрю на нее как любой писатель предисловия – со стороны. Собственно, нужно бы расположить работы по времени их написания: тогда противоречия, может быть встречающиеся в некоторых, объяснились бы как постепенный пересмотр

¹ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых текстов.

выводов, зависящий от расширения материала, а теоретические статьи, с которых начинается сборник, казались бы выводами из конкретного материала и предположениями, сделанными на основе этих выводов, а не собранием тезисов. Ложная любовь к внешнему порядку или предположение такой любви у читателя заставили меня сгруппировать статьи по темам, перетасовав 9 лет. Впрочем, не только поэтому. Мне казалось нескромным заставлять читателя ходить со мною по темам и выводам именно в той последовательности, в какой ходил я сам, так как сюжет этой книги прежде всего эволюция литературы, а никак не эволюция автора» (Тынянов, 1977, с. 395).

При этом тыняновский автобиографизм и «биография» Эйхенбаума предполагают разные уровни соотношения с внеязыковой реальностью. «Автобиография» Тынянова – одно из лучших художественных произведений в мировой литературе. В теоретико-литературном наследии Тынянова «Автобиография» вместе с корпусом текстов, получившим условное название «Рассказов, которые не захотели быть рассказами», занимает совершенно особое место. Сближение автобиографического текста с «рассказами» имеет значение в случае распознавания «новой» стилистической манеры Тынянова, отличимой от его научной и художественной прозы. Интонационно выстроенная мелодия фразы «маленького рассказа» «Научи меня, город Щерица, говорить» в «Автобиографии» определит стилевой рисунок текста: «Научи меня, город Щерица, говорить. Научи меня говорить спокойно. Река получерная, вернее, оловянная. Лодка. Стального цвета выгибающаяся спина. У дома удивленно приподняты над окошками карнизы (как веки). По берегу гонит белую корову баба. Вот так спокойно – научи меня говорить» (Тынянов. Из записных книжек, 1966b, с. 127).

И она же помогает «быту» противопоставить себя повседневности, став при этом составной частью лирической основы произведения:

«Я родился в 1894 году в городе Режице, часах в шести от мест рождения Михозлса и Шагала и в восьми от места рождения и молодости Екатерины I. Город был небольшой, холмистый, очень разный. На холме – развалины Ливонского замка, внизу – еврейские переулки, а за речкой – раскольничий скит. До войны город был Витебской губернии, теперь – латвийский. В городе одновременно жили евреи, белорусы, великорусы, латыши, и существовало несколько веков и стран. Староверы были похожи на суриковских стрельцов. В скиту тек по желтым пескам ручей, звонили в било (отрезки рельсов; колокола были запрещены), справляли на бешеных конях свадьбу. Потом разводились, и тогда тоже мчались на конях, загоняли их. Там ходили высокие русские люди XVII века; старики носили длинные кафтаны, широкополые шляпы; бороды были острые, длинные, сосульками. Пьянства случались архаические, и опять-таки кончались ездой» (Тынянов. Автобиография, 1966a, с. 9).

Тыняновская «Автобиография» – безупречный образец «идеальной литературы», в которой личность автора отсутствует или его редкое местоименное присутствие отчуждено от событий, освещаемых в произведении. Исключение автора из текста создает условия для восприятия литературы с точки зрения формы и формального несходства в противоположность «содержательному», учитывающему все – «быт, психологию, политику, фило-

софию», подходу. Ср.: «...до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу – быт, психология, политика, философия» (Якобсон, 1987, с. 275).

Введение Тыняновым понятия «маски» в литературе уводило читателя от прежде релевантной «биографической» интерпретации произведения в сторону функционального изучения текста, учитывающего приемы и стилевую манеру писателя. «Лирический герой», «речевой рупор» или «маска» (эти категории у Тынянова взаимозаменяемы), примеряя на себя тот или иной «грим», переходя из одного литературного течения в другое, присваивали себе новую биографическую реальность, подчинив ее вновь сменившимся литературным школам. Ср.: «Биография и даже „родословная“ у поэтов не только существует, но „вызывается“ и даже меняется в итоге смены лирического героя: освещается часть биографии, важная в этом смысле. Так Лермонтов долго воссоздавал и менял свою генеалогию, переходя от шотландца Лермонта к испанцу Лерме. <...> Это было и новым речевым рупором, новым лирическим героем и новой темой „литературную личность“ одновременно. <...> К этим годам (1817–1818 гг. – Е.Б.) в лицейской лирике Пушкина оказались уже замаскированными, загримированными под оссиановские, античные и шуточно-карамзинистские тона: „любовницы“, друзья, товарищи и профессора адресаты, сам поэт и лицейский быт. (Этот грим впоследствии создал легенду о бурных лицейских кутежах, которых на самом деле не было.)» (Тынянов, 1969, с. 129).

В аполитической и асоциологической концепции Тынянова не существует реального, «биографического» автора, есть только «маска» («как в ремесле актера»), условно надеваемая поэтом в соответствии с нормами и требованиями литературного канона.

Отказ от автоцентрической традиции открывал путь читательскому взаимодействию с литературным произведением, игнорируя внетекстуальные и субъективные факторы. Литературный текст представлял собой не конгломерат идеологических и мировоззренческих установок писателя и не статическую «сумму приемов» (по Шкловскому), но динамически подвижную систему (или «живой *литературный факт*»), определяемый как таковой читателем-современником литературного процесса. Ср. у Тынянова: «Тогда как твердое *определение литературы* делается все труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое *литературный факт*. Он скажет, что то-то к литературе не относится, является фактом быта или личной жизни поэта, а то-то, напротив, является именно литературным фактом. Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот» (Тынянов, 1977, с. 257).

Литература, по определению Тынянова, «динамическая речевая конструкция», и каждый из составляющих ее элементов соотносим между собой и с литературными произведениями других эпох прежде всего на уровне

языка и *слова*, исключая всякую возможность сопоставить текст с внехудожественной реальностью.

Тыняновской литературной динамике, взятой самой по себе, как «чистое движение» противопоставлена «долгота восприятия» в искусстве (по Шкловскому), где воспринимательный процесс самоцелен и «должен быть продлен». *«Искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно»* (Шкловский, 1983, с. 15).

В понимании Шкловским искусства присутствует очевидный психоаналитический аспект. Длительность литературы, как и ее существование «в веках» определяется уникальным жизненным опытом читателя, соотносившего свое внутреннее человеческое «я» с автором произведения. Литературный текст существует в акте восприятия читателем. «Всякое открытие делается не тем, кто рисует, а тем, кто использует, тем, кто понимает, что пришло в его руки» (Шкловский, 1983, с. 231). В «Автобиографии» Тынянов напишет в рамках принятой оппозиции между «автором» и «читателем»: «Я стал изучать Грибоедова – и испугался, как его не понимают и как не похоже все, что написано Грибоедовым, на все, что написано о нем историками литературы (все это остается еще и теперь)» (Тынянов. Автобиография, 1966а, с. 19). Тот, кто следует за «сделанным в искусстве», следует за видением автора изнутри, не отождествляя себя с ним, но выстраивая новые сюжетные и пространственные ориентиры. Читатель у Шкловского – читатель «формалист», способный «пережить деланье вещи», то есть стать автором безотносительно к ранее созданной художественной реальности. Он поглощен не столько поисками необходимого коррелята между литературным произведением и действительностью, сколько попытками утвердить новое видение в искусстве.

«Дыхание искусства разнообразно, но оно связано с великим пониманием искусства, созданного видением, обновлением чувств. Поэтому всемерность и разнообразность, вечность искусства основаны на обновлении и углублении восприятия» (Шкловский, 1983, с. 106–107).

Пафос писательских и научных интуиций Шкловского – научить людей смотреть и делать искусство. Визуальность видения тесно связана с формой воздействия литературного произведения и включает в сферу деятельности воспринимательный аспект. Для Шкловского – создателя в первую очередь «новых» образов в искусстве, весь образ литературы сконцентрирован на новом читательском восприятии, заменившем авторскую интенцию текста на произвольность воображаемых повествований. В триединой формуле автор – текст – читатель запечатлена «литературная физиология» Шкловского, и сам он включает в себя весь набор аналитических, литературных и биографических приемов, делающий его носителя легко узнаваемым современниками «литературным фактом» или «литературой» (в понимании Тынянова).

Русская литература в работах русских формалистов рассматривалась как автономно существующая системно-организованная структура, моделирующая «другую», не зависящую от социальных и политических условий реальность.

Движение литературы в функциональной перспективе определяло деятельность и задачи так называемой формальной школы в лице ее главных представителей – Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума и Юрия Тынянова.

Список литературы

- Тынянов Ю. Автобиография // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 9–20.
- Тынянов Ю. Из записных книжек. «Научи меня, город Щерица, говорить» // Новый мир. 1966. № 8. С. 120–137.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / сост. В.А. Каверин, З.А. Никитина; коммент. А.Л. Гришунина, А.П. Чудакова. М.: Наука, 1969. 424 с.
- Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.
- Эйхенбаум Б.М. О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. 541 с.
- Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый // Работы по поэтике / Р. Якобсон; сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 272–316.

References

- Eikhenbaum, B.M. (1987). *About literature. Works of different years.* (In Russ.)
- Iakobson, R. (1987). The latest Russian poetry. First sketch. *Works on Poetics* (272–316). (In Russ.)
- Shklovskii, V. (1983). *About prose theory.* (In Russ.)
- Tynianov, Iu. (1966a). Autobiography. *Yuri Tynyanov. Writer and Scientist. Memories. Reflections. Meetings* (pp. 9–20). (In Russ.)
- Tynianov, Iu. (1966b). From notebooks. Teach me, town of Scheritsa, to speak. *Novyi Mir*, (8), 120–137. (In Russ.)
- Tynianov, Iu.N. (1969). *Pushkin and his contemporaries.* (In Russ.)
- Tynianov, Iu.N. (1977). *Poetics. Literary history. Movie.* (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бережная Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, главный библиотекарь, Государственная публичная научно-техническая библиотека, Сибирское отделение Российской академии наук. ORCID: 0000-0003-1012-8764. E-mail: bereg.63@mail.ru

Bio note:

Yekaterina P. Berezhnaya, PhD in Philology, chief librarian, State Public Scientific-Technological Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1012-8764. E-mail: bereg.63@mail.ru